

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы II Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции
15 апреля 2014 года

Сборник статей

Пермь 2014

УДК 80
ББК 80
Ф 54

Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 328 с.

ISBN 978-5-7944-2409-6

В сборнике представлены материалы II Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», прошедшей на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80
ББК 80

Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензент: кафедра общего языкознания
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Редакционная коллегия: В.В. Абашев, Е.А. Баженова, Е.В. Ерофеева,
Б.В. Кондаков, Н.В. Соловьева, И.И. Русинова, А. Стоянович (Белград)

Ответственные редакторы: И.И. Русинова, Н.В. Соловьева

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2014
ISBN 978-5-7944-2409-6

Королёва Светлана Юрьевна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
petel@yandex.ru

«НАИВНЫЙ» ДИСКУРС В КРАЕВЕДЧЕСКИХ РАБОТАХ К.П. ГУСЕВОЙ ¹

Традиционная коллективная память в настоящее время передается не только в устной, но и в письменной форме. В Юрлинском районе Пермского края одной из таких форм стали любительские краеведческие издания, подготовленные местными жителями. Анализ книги К.П. Гусевой «Поклонись родному дому» позволяет говорить о присутствии «наивного» дискурса, сопутствующего дискурсу профессиональному, кодифицированному, выражающему норму «большой» культуры. История деревни складывается как сумма судеб отдельных людей и представляет собой индивидуальные воспоминания, бытовые автобиографии, семейные истории. Речевое оформление книги балансирует между литературной нормой и просторечием.

Ключевые слова: русская традиционная культура; коллективная память; краеведение; «наивная» письменность; дискурс; семейный фольклор; просторечие.

Почти три десятилетия назад в отечественной гуманитарной науке произошло «открытие» особого слоя народной словесности, который нельзя отнести ни к собственно литературе, ни к современному «письменному фольклору»; эта словесность, связанная с константами народной культуры, получила название «наивная» письменность / «наивное» письмо. Обобщая ее характерные черты, М.Л. Лурье отмечает направленность на передачу памяти: «Мотивы неизбежного забвения человека после смерти, переживания прошлого через воспоминание, требование к потомкам, чтобы помнили героизм и мученичество предков, чтобы поминали родителей, – все эти и прочие связанные с идеей памяти мотивы буквально пронизывают простонародную “наивную” литературу» [Лурье 2001: 26]. Хотя исследователь говорит о пласте «наивной» письменности, ориентированной на художественность, наблюдение это справедливо и по отношению к так называемым «документам жизни»: письмам, мемуарам, автобиографиям, дневникам, завещаниям и т.п.

Различные способы передачи памяти (в широком смысле слова) сохраняют особую актуальность в сельской местности. В 2013 году сотрудниками Лаборатории культурной и визуальной антропологии (далее ЛКиВА, рук. Е.М. Четина) было обследовано Усть-Зулинское сельское

поселение Юрлинского района, населенного русскими и расположенного в иноэтничном окружении, на территории Коми-Пермяцкого округа. «Изолированное» положение существенно влияет на культуру этого «русского острова» и самосознание его жителей. В ходе исследований была подтверждена отмечавшаяся ранее другими специалистами уникальная степень сохранности, характеризующая поминальную обрядность юрлинцев, в том числе включенные в нее причитания и духовные стихи (см.: [Бахматов 2008]). Эти тексты бытуют не только устно, но и письменно: они хранятся и передаются в виде рукописных тетрадей. Кроме традиционных фольклорных жанров, в подобных тетрадях обнаруживаются «наивные» автобиографии, родословные, семейные синодики-помянники, что, на мой взгляд, позволяет говорить о наличии актуальной рукописной традиции, имеющей отношение к семейному знанию, к истории рода и составляющей важный пласт бытовой, неофициальной культуры [Разумова 2001].

Традиционная память поддерживается сегодня и другими институциональными формами, в том числе публичными, официально признанными. Особым способом ее хранения и передачи в Юрлинском р-не является краеведческая работа и создание любительских краеведческих изданий усилиями местных жителей. Подобная тенденция прослеживается и на других территориях края, однако у юрлинцев она отличается повышенной интенсивностью. Это связано не только с «островным» положением района, но, по-видимому, и с «человеческим фактором» – деятельностью профессионального краеведа, директора районного музея, выпустившего несколько научно-популярных книг и часто выступающего в местной прессе, А.А. Бахматова. Его энтузиазм, моральная и профессиональная поддержка помогли включиться в краеведческую работу другим заинтересованным жителям района. В 2008 году вышла книга К.П. Гусевой «Поклонись родному дому», в 2011 году – ее «Место отчье» (в соавторстве), а также «Родимая сторонка» Г.В. Чащиной и С.В. Шитовой; еще несколько книг готовятся к изданию. Может показаться, что такого рода публикации далеко отстоят от неофициальных форм трансляции «коллективного знания», однако, по крайней мере, некоторые из них тесно связаны с семейными историями и бытовыми «документами жизни».

Мое внимание привлекла работа К.П. Гусевой «Поклонись родному дому», вышедшая в Перми небольшим тиражом (200 экз.). Книга состоит из трех разделов, написанных в разное время: первый посвящен родной для автора деревне Сергеево, второй – нескольким заброшенным деревням У-Зулинского с/п, третий – д. Пож. Материалом для настоящего исследования послужил первый раздел «С любовью к деревне»

(2003). Книга содержит ощутимые вкрапления так называемого «наивного» дикурса, под которым фольклорист С.Ю. Неклюдов предлагает понимать «любое высказывание, устное или письменное, ориентирующееся на кодифицированный литературный язык, но не соответствующее конвенциональным нормам» [Неклюдов 2001: 13]. Эта особенность затрагивает не только форму, но и содержание: в таких текстах присутствуют «стили мышления и образы, не характерные для нормированной культуры» [там же: 14] (ср. утверждение И.И. Сандомирской о том, что «язык не является нейтральным средством для описания объективной действительности и его нельзя подправить, не отредактировав при этом его реальности» [Сандомирская 2012]). В книге К.П. Гусевой «наивный» дискурс сопутствует другому – вполне профессиональному, кодифицированному, выражающему норму «большой» культуры. В этом заключается специфика книги, этим обусловлены и некоторые трудности ее исследовательского описания. По-видимому, не случайно «наивная» письменность в чистом виде представлена в исследованиях гораздо шире, чем различные «промежуточные» формы, совмещающие признаки «наивных» произведений и текстов, относящихся к близлежащим областям.

«Наивная» письменность – вполне устоявшееся в фольклористике выражение (к примеру, см.: [До и после литературы 2009]). Но мне показалось, что в случае с анализируемой книгой точнее говорить именно о дискурсе; лингвистическое понимание этого термина подчеркивает активную сторону речепотребления: дискурс – не только результат (текст), но и процесс речевой деятельности, «языковой коррелят определенной общественной практики», проявление социально значимого поведения; за ним стоит особая «идеологически и исторически обусловленная ментальность» [Русинова 2007: 223–224]. Выбранный ракурс позволяет увидеть в краеведческой работе К.П. Гусевой определенную социальную практику, учесть ее коммуникативную направленность, от-рефлексировать проявившиеся в книге ценности. Решению этих задач способствовало личное знакомство с К.П. Гусевой (продолжительное интервью, записанное Е.М. Четиной и автором статьи, хранится в архиве ЛКиВА).

Клавдия Петровна Гусева родилась в 1937 г.; 34 года она проработала в библиотеке д. Пож, рядом с родной д. Сергеево. Библиотекари традиционно выступают профессиональными посредниками между краеведческими знаниями и местной аудиторией. Однако на поле исторического краеведения К.П. Гусева пришла в статусе «любителя». По ее рассказам, она начинала с записи интересных историй от пожилых читателей: «...старичок Николай Иванович рассказывал про Першу, что он наш, пожинский, Пикулев – я записала. Потом того, другого, третьего,

что интересное узнаю, – это я для работы. Потом, думаю, ребятам в классе в каком-то расскажу. Или там [на] мероприятии где-то пригодится всё. Я ведь не про книгу думала!»

Однако местные жители восприняли ее записи «для себя» и «для мероприятий» как обязательство воплотить их коллективную память, придать ей более высокий, официально признанный статус; для носителей традиционной культуры такой желанной формой кодификации выступает печатная книга: *«А когда уже вышла на пенсию, мне и стали говорить: “Чё ты, ходила по домам, записывала – куда девала? Делай книгу!”»* Вероятно, принадлежность Клавдии Петровны к сельской интеллигенции, ее образование, близость к «книжной культуре» стали для однодеревенцев факторами, узаконившими ее новый статус Автора. Этим ситуация К.П. Гусевой принципиально отличается от обстоятельств, в которых иногда оказываются собственно «наивные» авторы «из простого народа». Последние сталкиваются с «непониманием <...> людей из своей среды, их безразличным и даже подозрительным и враждебным отношением» (ср. воспоминания автора «народного романа» Д.Е. Жунтовой-Черняевой: «Писала воровски, прятала, меня ругали, осуждали, не в свои, говорят, сани села!») [Лурье 2001: 25].

Исследователи отмечают, что для «наивной» литературы характерна отрефлексированность аудитории, на которую рассчитано произведение. Встречаем мы это четкое понимание и в работе К.П. Гусевой. Хотя в аннотации заявлено, что «книга для краеведов, студентов и школьников», ее реальная читательская аудитория оказывается уже, и автор это предполагает в той же аннотации: «Кто-то здесь найдет материал о себе и о своих близких родственниках». Примечательна судьба тиража, о которой рассказал автор: *«Приедут наши, где живут не здесь, приедут, спрашивают книгу-ту. А её нет. Не хватает. По пять штук брали некоторые. <...> А ещё наши, дак ему интересно и любо, что он попал сам в книгу! Интересно эту книгу иметь!»* Теплая реакция читателей (в основном переселенцев из деревни) свидетельствует о том, что книга соответствует их насущным потребностям: *«А отзывов-то, открыток-то, писем-то сколько мне пришло со всех краёв <нрзб>. “Читаем, да перечитываем, да слезы на глазах, да спасибо вам за книгу, да вот, мол...” Я не думала!...»*

Раздел «С любовью к деревне» по форме – самостоятельная книга; его структура в целом ориентирована на нормативные формы, традиционные для советского краеведения. Она включает сведения о жителях деревни, локально приуроченные истории времен Первой мировой и гражданской войн, описание жизни в довоенной советской России, главу о Великой Отечественной войне, характеристику послевоенного и пост-

советского периода. Завершают ее «неофициальные» главы, посвященные наиболее необычным историям сергеевских семей и местному фольклору. В основу книги легли записи бесед с однодеревенцами и их письма к автору разных лет – т.е. достаточно разнородные документы с присутствием или доминированием просторечных форм речи и «наивного» мышления.

Исторические события показаны автором через судьбы отдельных людей или семей; по сути, это бытовые воспоминания и автобиографии, семейные истории. Обязательные для «нормативных» краеведческих сборников выходы в «большую» историю, которые достигается привлечением более широкой статистики и исторических справок, практически отсутствуют. Для К.П. Гусевой достаточно зафиксировать субъективное восприятие событий участниками-однодеревенцами, отразить их индивидуальный опыт, взгляд «изнутри», почти не скорректированный взглядом «извне». Отбор случаев, сохранившихся в памяти деревни, во многом определяется предпочтениями, типичными для традиционного сознания. Так, известно особое отношение крестьянства к людям, чудесным образом избежавшим смерти. Самым ярким эпизодом гражданской войны в книге К.П. Гусевой становится история «дважды убитого» деревенского парня Василия Иванова, который остался жив после расстрела белыми, но был казнен ими повторно [Гусева 2008: 47–48].

Главы, посвященные гражданской и особенно Великой Отечественной войнам, написаны особым стилем, нормативным для освещения военной темы в советской публицистике, содержащим официальные клише. Автор собирал свидетельства бывших солдат и солдатских вдов в 1970 – 80-х годах для оформления юбилейных альбомов; на этом этапе К.П. Гусева выступала строгим «редактором» своих собеседников, приводя их рассказы в соответствие с официальным дискурсом.

Военные главы контрастируют с прочими, где ощутимо проявляется просторечный стиль и стоящее за ним мышление, которое можно определить как традиционное (для советской деревни 1920 – 80-х годов). Так, интересна таблица, призванная дать лаконичную объективную информацию о жителях деревни с 1927 по 2003 годы (К.П. Гусева кропотливо собрала все сохранившиеся сведения о семьях из 110 домов!). Автор указывает членов семьи, их имена, даты рождения и смерти; фиксирует переезды на другие территории; оговаривает причастность к белогвардейцам, если она была. (Именно принадлежность к красным и поддержка советской власти воспринимается сельчанами как нормативное для того времени поведение.) Вот пример типичной записи: 1927 год – «Леханов Кирилл Павлович. Дочери Евдокия, Екатерина (жила в д. Тимино), Анастасия <...>; сын Федор погиб в ВОВ»; 1976 год – «по-

строен магазин» [на месте дома]; 2003 год – «здание магазина продано» [Гусева 2008: 11]. Информация разворачивается и включает подробности в случае отступлений от нормативности, обычности; это может касаться внешности человека, характера, поведения и других черт, отличающих его от прочих («Жена Васиха Оброскова (о ней вспоминают, что она всё ходила в кокошнике)»). Фиксируются повторные браки: «Жена I – ? Жена II – Александра. Жена III – Лукерья (1893–1967). Жена IV – Анастасия (1907–1971). <...> В Гражданскую войну здесь был штаб белых» [там же: 13].

С особой тщательностью в таблице указываются и отступления от естественной смерти, а именно смерть в раннем возрасте, несчастные случаи, убийства, самоубийства: «Леханов Яков Павлович. <...> Яков долго жил один, был мастеровитый, делал кадушки. Задавился в избе на лапотном пояске» [там же: 13]. В отдельных случаях подробности гибели перерастают в развернутый рассказ, нарушая лаконичность и фактографичность таблицы. Особое отношение крестьян к умершим «до срока» хорошо известно. Не случайно неестественная смерть членов семьи становится типичным сюжетом фольклорных нарративов (здесь она может связываться с родительским проклятием, порчей, «плохим» домом, посадкой дерева, которое «нельзя сажать на усадьбе» и т.п.).

Еще одна черта, сближающая работу К.П. Гусевой с творчеством собственно «наивных» писателей, – «специфическая социально ориентированная позиция», которая располагается «в моральной сфере»: автор «представляет себя в качестве посредника... между той социальной группой, чье сознание и опыт он верифицирует, и адресатом» [Неклюдов 2001: 12]. По-видимому, именно моральная позиция диктует К.П. Гусевой отбор значимых фактов, особенно по отношению к современности. Так, описывая наши дни, автор считает нужным привести следующую информацию: 1) кто из сергеевцев побывал в местах заключения (80 – 90-е годы) и за что; 2) кто получил высшее образование, какое именно и где теперь живет; 3) кто служил в горячих точках; 4) кто «получал грамоты и подарки за свой труд». Моральная оценка может быть проявлена и более прямо: «Да, в последние годы духовно бедные, физически слабые растут мои сергеевцы. Человеческая жестокость становится нормой жизни. Украсть мешок, сломать мостик или забор, разбить лампочку, окно, “расквасить морду” – вот что стало нормой для молодого человека» [Гусева 2008: 74]. Эта же обязанность «посредника» и отчасти морального наставника проявляется в том, что Клавдия Петровна включает в главу «Информация о некоторых семьях» два стихотворения собственного сочинения, в которых ситуативно выступает как подлинно «наивный» сочинитель. Оба стихотворения посвящены мест-

ным семьям, одна из которых выступает, по оценке автора, как образец для подражания, другая вызывает осуждение и сочувствие («Он в совхозе был рабочий, / Она бухгалтером была, / Помогал он по хозяйству, / Стирала, стряпала она» [там же: 71]; «Им до лампочки ребята. / Выпивка – вот важно. / Материнства их лишили – / Это вот ужасно» [там же: 73]).

Таким образом, К.П. Гусева нередко отступает от канонов «профессионального» краеведения. История деревни предстает в ее книге как сумма судеб всех ее семей. Самостоятельное значение придается тем фактам, которые в «нормативных» работах были бы квалифицированы как исключение или крайность, а возможно, вообще не вошли бы в текст. Книга, ориентированная на кодифицированную структуру, отражает стихию просторечия, «наивное» мышление, традиционные ценности. Я вижу тому три возможные причины. Во-первых, таков язык и нарративы ее собеседников-информаторов (по-видимому, в текст включены незакавыченные фрагменты бытовой словесности). Во-вторых, таков язык и ожидания основного адресата – переселенцев, покинувших родную деревню. Наконец, это привычный язык самой Клавдии Петровны. Владея при необходимости нормированной речью, автор совершает переходы (возможно, не всегда сознательные) от одного типа речи к другому. Она словно бы не чувствует себя в праве выступать «цензором» по отношению к своим рассказчикам и оставляет им право на собственный голос.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009 («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

Библиографический список

Бахматов А.А. Русские в Коми-пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь: От и До, 2008.

Гусева К.П. Поклонись родному дому. Пермь: От и До, 2008.

До и после литературы. Тексты «наивной» словесности / сост. А.П. Минаева. М.: РГГУ, 2009.

Лурье М.Л. О феномене «наивного» сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 15–28.

Неклюдов С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 4–14.

Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 93–115.

Русинова И.И. Наивный дискурс (на материале личного дневника диалектоносителя) // Дневник М.П. Суловой (1981–1985). Публикация и исследование текста. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. С. 219–234.

Сандомирская И.И. «Наивное письмо» пятнадцать лет спустя, или На смерть соавтора // Неприкосновенный запас. 2012. № 2 (82). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2075> (дата обращения: 13.04.2014).

S.U. Korolyova

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State National Research University

“THE NAIVE DISCOURSE” IN K.P. GUSEVA’S BOOKS ABOUT LOCAL HISTORY

The traditional collective memory is transferred in oral and written forms today. One of such forms which takes place in Yrlinsky area of Perm Region is nonprofessional books about local history written by the locals. K.P. Guseva’s book “Bow to a home” includes two discourses: so called “the naive” (connected with traditional peasant’s mind) and professional (connected with the norms of contemporary official culture). The local history of other’s native village consists of life-stories of all inhabitants and their families. The book includes elements of oral memories, autobiographies, family legends, letters and etc. It’s style is balanced between literary norm and forms of common, popular language.

Key words: Russian traditional culture; collective memory; local history; “naive” writing; discourse; family folklore; common language.